

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/72/15

Н.Е. Никонова

**ОБРАЗЫ СВОБОДЫ В ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ
В.А. ЖУКОВСКОГО: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭГОДОКУМЕНТОВ
И НЕОПУБЛИКОВАННОГО КОНСПЕКТА СОЧИНЕНИЯ
К.Э. ЯРКЕ «DIE RECHTLICHE FREIHEIT» (1831)¹**

Рассмотрены образы свободы в правовом дискурсе В.А. Жуковского. В качестве материалов исследования используются эгодокументы и неопубликованный конспект сочинения немецкого профессора по уголовному праву К.Э. Ярке «Die rechtliche Freiheit» (1831). В статье представлена одна из первых попыток анализа нового источникового материала, вводимого в научный оборот, с междисциплинарной позиции, совмещающей историко-филологический, качественно-лингвистический и дискурсивно-правовой подходы.

Ключевые слова: русская литература, В.А. Жуковский, К.Э. Ярке, правовой дискурс, свобода

Тема свободы в русской литературе, как известно, является одной из знаковых, однако специального исследования на материале творчества В.А. Жуковского она доныне не получала. Обнаруженная в архиве поэта записная книжка, испещрённая карандашными и чернильными записями на русском и немецком языках, обостряет актуальность изучения ореола смыслов, связанных с функционированием особой для отечественной словесности единицы в наследии поэта. Принадлежность обнаруженного конспекта к сфере юриспруденции ставит также не менее важный вопрос о дискурсе права в творчестве В.А. Жуковского [1], поиск ответов на который должен стать посылом для монографического исследования. Настоящая статья представляет одну из первых попыток анализа нового источникового материала, вводимого в научный оборот, с междисциплинарной позиции, совмещающей историко-филологический, качественно-лингвистический и дискурсивно-правовой подходы.

Ранее не опубликованная записная книжка В.А. Жуковского, сохранившаяся в РНБ, содержит 14 листов, с обеих сторон, заполненных записями поэта; сотрудниками архива единице хранения № 38 дано название «[О свободе]. Отдельные черновые записи» и примерная датировка [1832–1833 гг.]. Как удалось установить, оба предположения являются верными лишь отчасти. Фрагменты представляют собой типичный для автора рукописи тип перевода-конспекта, или выписок, из программного для форми-

¹ Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

рования его взглядов сочинения с включением собственных размышлений, которые могут кардинально отличаться от концепции, изложенной в реферируемом источнике. Принципиальная значимость таких читательских и переводческих практик поэта для эстетического, художественного, исследовательского мировоззрения доказана на примерах масштабного изучения его личной библиотеки [2].

Определить автора и название оригинала позволила одна из записей на немецком языке, которая в отличие от большинства других фрагментов почти дословно воспроизводит источник и гласит: «*Rechtliche Freyh. Wenn diese Späre rechtlich anerkannt wird und mithin gleichbedeutend mit einem rechtlich gesicherten, unabhängigen, keiner fremden Willkür unterworfenen Rechtszustand*» [3. S. 117] [Правовая своб<ода>]. Если эта сфера признана юридически и тем самым получает статус равнозначной гарантированному, независимому состоянию права, не подверженному внешнему своеволию¹.

Процитированное Жуковским-читателем сочинение принадлежит перу Карла Эрнста Ярке (Karl Ernst Jarcke, 1801–1852), известного немецкого издателя, теоретика и историка, выпустившего труды о немецком уголовном праве (три тома, 1827–1830) [4]; о французской революции 1830 г. [5], множество публикаций в возглавляемом им периодическом издании «Берлинский политический еженедельник», основанном консервативными кругами Пруссии для противостояния либерально-революционным настроениям. Подшивка этого периодического издания сохранилась в библиотеке Жуковского в Томске (1832. № 1–52; 1833. № 1–45) [6]. Однако искомая работа Ярке вышла в газете не в 1832 или 1833 г., а в № 10–11 за 1831 г. (10 и 17 декабря 1831 г.) под заглавием «Правовая свобода» (*Die rechtliche Freiheit*) [7]. Впервые в монографическом виде она была издана лишь в 1839 г. в составе разных сочинений автора в Мюнхене [8] и не отличалась от первопубликации.

В эссе Ярке изложены основные взгляды на важнейшие понятия юриспруденции, на государство и церковь, права и свободы, которые в совокупности образуют устойчивую систему, характерную для представлений о государственности в консервативных кругах прусской мыслящей элиты 1830–1840-х гг. Идеологами этого сообщества выступили Карл Людвиг фон Галлер (1768–1854), братья Эрнст Людвиг фон Герлах (1795–1877) и Людвиг Фридрих Леопольд фон Герлах (1790–1861), а также Йозеф Мария фон Радовиц (1797–1853), ставший близким другом для Жуковского, провозвестником экуменической идеи и героем биографического очерка (по риторике близкого житию), изданного в Германии в 1850 г. [9].

С главным трудом Галлера, заложившим патримониальную теорию европейской Реставрации концепций государства и права Ярке, познакомился в Берлине благодаря общению с Герлахами и Радовицем, которые не просто продвигали идеи Галлера, но развивали и интерпретировали их. Как отмечает Ф. Петерс, «Ярке, в первую очередь, является учеником Карла

¹ Перевод с немецкого языка в настоящей статье выполнен её автором.

Людвига фон Галлера, инициировавшего европейское движение по возрождению концепции государственности» [10]. В данном случае имеется в виду его многотомный труд «Реставрация науки о государстве, или Теория о противопоставлении естественно-уютного состояния государственности химере искусственно-гражданственного» [11].

Основная цель разработанной Галлером теории заключается в противостоянии революции и тем философским системам, которые пропагандируют революционное движение. Прежде всего, он подробно излагает концепцию о естественных началах государственности, восходящих к библейским, и о дальнейших реально-исторических основаниях развития государства и права. Искусственной и чуждой религиозно-гуманистической идее признаётся не только революция, но и деспотизм, либерализм и абсолютизм. Монархи являются правителями, по мысли Галлера, в силу естественного хода истории и не нуждаются в дополнительных абстрактных надстройках для оправдания власти и права собственности. Образчиком подобной общественной структуры и её примером служит семья, которая представляет собой не что иное, как первое государство, где отец выступает главой подобно монарху в своей стране.

Понять отношение Жуковского к учению Галлера, ставшему фундаментом для изысканий немецких политических романтиков, позволяет его письмо к А.И. Тургеневу из Верне от 14/26 марта 1833 г. Эпистолярный отзыв написан по прочтении первого тома его упомянутого главного труда о государственности, пять из шести томов которого хранятся в личной библиотеке [б. № 1217/а] поэта с многочисленными пометами и записями владельца. Жуковский пишет другу: «Книга прекрасная. <...> Галлерова система проста, удовлетворительна, в ней логическая строгая связь, и она особенно удовлетворительна тем, что ставит границы заносчивости человеческого уму и возвращает должное Богу. <...> Галлерова система есть та именно, которая мне надобна: нельзя без отвращения и без содрогания читать всего того, что врут защитники фальшивой свободы», заключая, что «общим криком» должна стать религия («в ней и гражданство, и свобода, и благородство души человеческой» [12. С. 273–276]).

А.С. Янушкевич, исследовавший маргиналии в этом многотомнике, отмечает, что записи и отчёркивания читателя сохранились в первом и в начале второго тома и включают более 30 фрагментов на русском, французском и немецком языках, которые «запечатлели сложность его общественной позиции в этот период» [13. С. 509–517], обусловленную тем, что в 30-е гг. «его идеал государства не был просто абстракцией, он конкретизировался в постановке и решении целого ряда проблем» [13. С. 509–517]. В многотомнике Галлера Жуковского интересуют также концепты юридического дискурса («государство», «закон», «справедливость», «равенство», «монархия» и др.). В том же письме к Тургеневу он перелагает концепцию немецкого историка на русский язык: Галлер «вместо ложных систем, созданных на основании ложной идеи (систем, к коим насильственно применили в наше время порядок гражданский), принимает просто сей

порядок, неискусственно создавшийся, сам собою, вследствие вечных Божественных законов, и существующий теперь в развитии таким, каков он существовал первобытно в своем зародыше» [12. С. 273–276]. Конспект сочинения Ярке о правовой свободе, ранее не атрибутированный, дополняет знание о круге чтения поэта и общественно-политических взглядах, определивших облик российского двора и российской государственности, в судьбе которой он сыграл значимую роль.

Автор единственного и самого подробного монографического исследования, посвященного Ярке и берлинскому политическому кругу консерваторов-единомышленников, справедливо отмечает, что отправным пунктом для образа мышления и бытия небольшой, но сильной партии вокруг Фридриха Вильгельма IV было религиозное чувство, удивительная комбинация духовных настроений того времени: «Прежде всего в этом окружении царил дух пиетизма, возникшего как реакция против деизма прошедшего века. Но они расширили свое понимание Божественного до религиозно-мистической философии, которая проникла далеко за пределы пиетизма»; «как историки права они вышли из романтизма», поскольку переняли от него тягу к универсализму, предпочтение целого части и индивидууму, представление о том, что «невозможно существование отделенного от целого, самого по себе существующего бытия» [10]. Словом, берлинские политические романтики не были теоретиками государства и права в узком смысле слова, в их чаяния не входило только создание государственной системы особого толка.

Вслед за Галлером, Герлахами и Радовицем Ярке пропагандировал учение о правовом откровении, данном от Бога; в его представлении справедливость Божественная и права человека оказались единым целым, поэтому революция как явление, в его понимании, губительна, поскольку она восстает против старых священных прав. Оригинальное умозаключение Ярке, что революцию можно преодолеть расширением свобод, ставит на место революционного французского «романского духа» конкретные правовые «германские свободы». Искомая модель государственности выстраивается на признании священного Божественного и исторически сложившегося права, категорически отвергает идею всеобщего равенства, а предложенный принцип права, гарантом которого выступает монарх, главенствует над государством как провозвестник высшего христианского мира, который есть главная цель. Это Ярке имеет в виду, когда говорит: «Германское государство следует обозначить как господство неограниченных личных свобод, с одной стороны, а с другой стороны, как подчиненность всех свобод высшему закону христианства» [10]. Таким образом, по мысли автора, права личности следует поставить выше права масс, а главный инструмент для достижения этой задачи предоставляет борьба за «правовые свободы».

Учитывая дату первопубликации сочинения Ярке (конец 1831 г.), наличие в библиотеке Жуковского аккуратно скреплённой и обёрнутой подшивки «Берлинской политической еженедельной газеты» за 1832 и 1833 гг., в которой впервые было напечатано сочинение о правовых свободах, кон-

спект следует датировать 1833 г. К этому утверждению располагают также имеющиеся на страницах книжки пометы Жуковского: «10/22 февраля» [3. Л. 2] и «11/23 февраля» [3. Л. 5]. Кроме того, одна из лаконичных дневниковых записей поэта в эти дни 1833 г. содержит соответствующее указание: «Начал чтение политическое» [14. Т. 13. С. 349]. Наконец, письмо к Тургеневу с характеристикой системы Галлера отправлено в марте этого же года, из второго заграничного путешествия поэта, когда его преимущественно занимает чтение, а поэзия отходит на второй план. Конспектирование труда Ярке органично входит в круг чтения Жуковского этого периода, который преимущественно составляют труды немецких историков и политиков консервативного толка.

Конспект В.А. Жуковского повторяет логику программного сочинения Ярке, однако предваряет его своего рода оглавление, в котором читатель располагает следующие интересующие его тематические аспекты в порядке, отличном от композиции оригинала. На шмүттитуле читаем: «Что есть закон. Что есть право. Что есть государь, предшественник закона, Бог имеет право. Что есть подданный [3. Л. I]. На первой странице он дополняет его списком, более близким идеям немецкого юриста: «Свобода. Ее дефиниция. Общая свобода выбора. Свобода гражданская. Ее гарантии. Свобода общества. Правление. Революция. Республика» [3. Л. I об.].

Карандашные записи Жуковского на русском языке малоразборчивы, немецкоязычные фрагменты и комментарии к ним выполнены не только карандашом, но и чернилами, более четким почерком, поэтому поддаются расшифровке. Порядка восьми страниц таких билингвальных отрывков, а также четыре из девяти листов более или менее разборчивого карандашного текста дают основание для утверждения диалогического характера связи размышлений русского поэта с концепцией Ярке. С одной стороны, читатель следует мысли источника, выделяя соответствующие тезисы: те же три ступени свободы (свободу выбора религии и совести, личную свободу и свободу собственности); разделы о революции, абсолютизме, аристократии и монархии. С другой стороны, Жуковский вступает в дискуссию с автором оригинала, интерпретируя его и дополняя собственными размышлениями.

Утверждение Ярке о двух препятствующих осуществлению юридических свобод причинах, которые заключаются в «страстях правителей» и «пренебрежении к идее государства и всеобщего блага народа», читатель сопровождает записью «Die Leidenschaften des Fürsten sind oft tyrannisch» [Страсти правителей часто бывают тираническими]. Комментарий получает и наблюдение о страстях народа, ряд причин для появления таковых Жуковский записывает по-немецки и дополняет: «Influenzen der Parthei, Beschränktheit an Absichten, Neid gegen die höheren, keine Traditionen, keine Scheu der Nachwelt, kein Rat der Vorfahren, Zeitungspopularität, Lockerung des Eigennutzes, die Kürze der Zeit, die Veränderung» [3. Л. 9] [влияние партий, ограниченность во взглядах, зависть к вышестоящим, отсутствие традиций, отсутствие боязни перед высшей волей, отсутствие наставления предков,

популярность газет, привлекательность личной выгоды, преходящесть времени, изменчивость]. В большинстве своём дополнения выполнены в стилистике, свойственной мировоззрению Жуковского-романтика, что не противоречит взглядам Ярке.

Однако в заключение рассуждений об опасностях правовых нарушений со стороны правителей и со стороны народа читатель кардинально переиначивает вывод немецкого автора, утверждающего абсолютную неизблемость установленных законом прав и свобод для обеих сторон. Ярке утверждает, что любой правитель-монарх, призванный по определению своей роли, определённой Богом, блюсти справедливость по отношению к своим подданным, не обладает правом нарушить установленные правила («Однако никто и нигде не может быть уполномочен даже во имя любви нарушить правовую справедливость» [3. Л. 9] [*Aber niemals und nirgends ward er für befugt gehalten, um der Liebe willen die Gerechtigkeit zu verletzen...*]). Жуковский же записывает цитату и к ней обратное по смыслу заключение: «*aber nur um der Liebe willen konnte er die Gerechtigkeit verletzen*» [но лишь во имя любви он может нарушить правовую справедливость].

Таким образом, Жуковский признаёт высшую волю монарха, данную ему Богом, в то время как Ярке встаёт на сторону высшей воли как таковой, не соглашаясь с исключительностью волеизъявления правителя, несмотря на факт его избранничества. Тот же характер переогласовки стиля можно наблюдать в переиначивании понятий «честность» и «чистота» правителя, когда Жуковский заменяет немецкое «*Redlichkeit*» на «*Reinheit*», записывая цитату «*Interesse vereinbart mit der größten persönlichen Reinheit*» [3. Л. 10] [Интерес в совокупности с высшей личностной чистотой].

Наконец, Жуковский соглашается с признанием относительности любых политических и юридических концепций в силу их абстрактности в сравнении с идеей истины, данной Богом, выписывая тезис из оригинала о миссии монарха: «*Zu diesem nicht die Verpflichtung/ die Menschen glücklich zu machen, auch mit dem Verfolgen anderweitiger metaphysischen Tendenzen oder der Verwirklichung irgendeiner Theorie oder eines Staatszweckes*» [3. Л. 10 об.] [Также не имеет и обязательства по сохранению счастья человеческого, в том числе за счет следования каким-либо метафизическим тенденциям или осуществления какой-либо теории или выдуманной государственной цели]. При этом, говоря об иллюзорности и реальной важности влияния на государственное устройство и правление, Жуковский подчёркивает важность деятельности литераторов, отмечая по-немецки, что идеи Макиавелли получили распространение благодаря популяризации в сочинениях писателей: «*Durch Schriftsteller angenommen und entwickelt*» [3. Л. 10 об.] [Писателями восприняты и распространены]. В целом другие трансформации формулировок, выписанных Жуковским избранных мест из сочинения Ярке, связаны с усилением образности, стилистической выразительности. Например, варьируя высказывание немецкого юриста, он сравнивает абсолютизм и революцию с «бездушным» существом, добавляя это определение, соответствующее его собственному репертуару художествен-

ных средств: «Die Idee einer absoluten Staatsgewalt ist das unselige Geschöpf der revolutionären Lehre» [3. Л. 11] [Идея абсолютистской государственной власти суть бездушное творение революционных учений].

Конспект работы Ярке имеет программный характер, его содержание находит непосредственное отражение в правовом дискурсе Жуковского в его дневниках, в большинстве из пассажей, касающихся теории государства и права, свобод и прав, государственного режима и общественного устройства. Такие рассуждения в творческом наследии поэта встречаются только в прозе. Что касается концепта свободы в его поэтическом творчестве, то он реализуется в трех основных смысловых вариантах, не связанных с дискурсом права, но подлежащих краткому освещению в рамках данной статьи.

Анализ поэтических текстов Жуковского показал преобладание следующих реализаций концепта: во-первых, свобода – это раздолье, простор, воля; во-вторых, лёгкость, отсутствие затруднений в чём-либо; в-третьих, свободное, незанятое время, досуг. Наиболее показательны случаи употребления такой образности с лёгкостью можно припомнить из эстетических манифестов поэта, при этом указанные варианты, как правило, связываются в большинстве случаев с темами природы, дружбы и поэтического творчества: «Свобода, резвость, смех, хор песней, гул рогов» [14. Т. 1. С. 64] («Опустевшая деревня»); «Так я, воспитанник свободы, // С любовью, с радостным волнением певца, // Дышал в объятиях природы» [14. Т. 1. С. 73] («Отрывок. (Подражание)»); «О братья! о друзья! где наш священный круг? // Где песни пламенны и музам и свободе?» [14. Т. 1. С. 77] («Вечер. Элегия»); «Свободою вздохнуть // Придешь в стране родимой» [14. Т. 1. С. 151] («К Блудову»); «Здесь мирный труд, свобода с тишиной» [14. Т. 1. С. 216] («К А.Н. Арбеновой») и др. Напомним, что два хрестоматийных стихотворения поэта – «К портрету Гете» и «Невыразимое» – начинаются с апелляции лирического Я к концепту свободы именно в этих смыслах, т.е. в связи с высоким романтическим образом природы и творческого духа, соответственно: «Что наш язык земной пред дивною природой? // С какой небрежною и легкою свободой // Она рассыпала повсюду красоту» [14. Т. 2. С. 129] («Невыразимое»); «Свободу смелую приняв себе в закон, // Всезрящей мыслию над миром он носился» [14. Т. 2. С. 149] («К портрету Гете»).

Наряду с выделенным комплексом смыслов концепта свободы в стихотворениях Жуковского не менее важное место занимает семантический ряд, сопряжённый с патриотизмом и славными, знаменательными для России историческими событиями, победами в сражениях и войнах, посвящениями монархам. В данном случае примеры также очевидны: «О радость... он вступил... зажгись, костер свободы!» [14. Т. 1. С. 364] («Тульская баллада»); «И Рейн, обновлен, потек в брегах свободы» [14. Т. 1. С. 373] («Императору Александру»), «...все сладкое для сердца: честь, свобода, // Великость, слава, мир, отечество, алтарь» [14. Т. 1. С. 377] («Императору Александру»); «Ты знамена святой свободы // Покорным даровал врагам» [14.

Т. 2. С. 26] («Песнь русскому царю от его воинов»); «Всегда при кликах возлетал // Спасенья и свободы» [14. Т. 2. С. 39] («Певец в Кремле») и др.

К менее репрезентативным реализациям концепта свободы в поэзии Жуковского необходимо отнести традиционную романтическую вариацию прочтения, связанную с темой узничества (баллада «Узник», например), однако и в таких сюжетах само слово «свобода» употребляется эпизодически и не является ключевым, герои-узники в соответствующих сочинениях поэта обладают свободой внутренней и о ней говорят, не выражая богоборческих или бунтарских настроений. Совсем иная картина наблюдается в корпусе прозы автора, где темы прав и свобод возникают регулярно в контексте юридического дискурса, при этом Жуковский не избегает достаточно распространённых и полемичных пассажей, которые в совокупности позволяют говорить о целостности и системности взглядов автора, как и об их соответствии юридической концепции берлинских политических романтиков.

Концепт свободы в дневниковой прозе Жуковского претерпевает определенную эволюцию, обусловленную жизнетворческими стратегиями автора. В ранний период, связанный с историей взаимоотношений с М.А. Протасовой и крушением надежд на счастливый брак, поэт говорит преимущественно о собственной, личной, внутренней свободе как пространстве, в котором возможно осуществление «милого вместе» с возлюбленной. В 1814 г. Жуковский записывает: «Милой друг, расставаясь с тобою – я много теряю! Боже мой! не видаться! Но знаешь ли, что мы выигрываем? Свободу любить друг друга! Мы заплатили за нее своим пожертвованием! Теперь притворствовать, – розно мы свободны, и наша любовь принадлежит нам по праву» [14. Т. 13. С. 71]. Переживаемая разлука становится синонимом свободы «быть в мыслях друг с другом» [14. Т. 13. С. 102] и синонимом «возможного счастья» [14. Т. 13. С. 110].

С поступлением на придворную должность Жуковский начинает рассуждать об истории права, чаще говорит о свободе и свободах в юридическом смысле. Связующим звеном для рассуждений выступают мысли о том, что может способствовать и сопутствовать обретению истинной свободы, выступающей высшим благом. С точки зрения романтика, обретение свободы возможно при соблюдении двух условий, актуальных как для монарха, так и для всего народа и отдельного индивида: во-первых, при следовании покорности, самопожертвовании, верности долгу; во-вторых, при реализации просветительских интенций. Естественно, что для монаршего наставника определяющую роль во второй половине 1820-х гг. играет вопрос о свободе правителя и его народа. С особой интенсивностью он размышляет о нём спустя более двух лет после восстания декабристов, и хотя заметки на соответствующую тему имеют яркий эмфатический заряд, в них, как и прежде, содержится только позитивная, утвердительная интенция. Так, в 1827 г. он связывает концепт свободы с универсальным витальным началом каждого человека, включая царственных особ: «Жизнь царя есть *могущая покорность* – покорность исполнительная. Жизнь вообще

покорность деятельности. Человек свободен одною сею покорностию, и свобода его становится законною» [14. Т. 13. С. 294]. То же убеждение звучит лейтмотивом в 1828 г., когда дневниковый дискурс Жуковского буквально пестрит соответствующими заметками об обретении свобод через покорность и просвещение: «Свобода человеческая особенно доказывается тем, что человек всегда может быть справедливым, то есть что он всегда может быть *послушен должности*» [14. Т. 13. С. 301]; «Любя свою *должность* и ограничивая себя ее исполнением, делаешься совершенно от всего независимым» [14. Т. 13. С. 305]; «Государь тогда только может гордиться своим саном, когда его подданные – люди, облагорожденные свободою, нравственностью, религиею, *просвещением*» [14. Т. 13. С. 304]; «Чтобы были твердые законы, чтобы была твердая власть – дай *просвещение и не обижай свободу закона и будь раб законов*» [14. Т. 13. С. 305].

Осознание важности нового понимания общественно-политического устройства как исторического феномена приводит Жуковского к поиску соответствующих этому направлению трудов единомышленников. В его личной библиотеке появляются новые сочинения историков и теоретиков права, в круге знакомств возникают контакты, которые останутся с ним до конца дней и перерастут в близкие дружеские отношения. Одним из знакомых стало знакомство с лидером прусской консервативной элиты Йозефом фон Радовицем в 1827 г. Вполне оправданным видится предположение, что оно во многом послужило поводом для активных усилий с целью систематизации и обретения фундамента для воззрений на правовые свободы и государственность, общественный строй и права граждан, монархов, печати и волеизъявления. В подтверждение этому стоит привести цитату из дневника Жуковского за 1828 г. и его же выписку из упомянутого труда Ярке о правовых свободах:

<...> возможность человеческого благоденствия в обществе. Главное средство к тому утверждение договора между властителем и подданным <...> Результат отдаленный: общий порядок, то есть свобода всего благородного в человеке [14. Т. 13. С. 307].

Во Франции, Англии и многих странах Германии государи должны утвердить договор с своими народами; в других землях и особенно в России Государь должен убедиться в неизбежности сего договора и сам готовить к нему народ свой, без спеха, без своекорыстия, с постоянством благоразумным [14. Т. 13. С. 307].

Alle Gegensätze der Freiheit verschwinden aber neue ist nicht freyer geworden. – der Name der Freyheit nur Vertrag [3. Л. 12].

[Все противоречия свободы исчезают, однако новые не становятся свободнее. – Имя свободы есть договор].

О том, что встречи с Радовицем в начале 1830-х гг. оказали заметное влияние на оформление системы взглядов Жуковского на права и свободы, говорят и его записи в дневнике первой половины 1830-х гг. К примеру, в

1832 г. находится свидетельство автора о том, что во время своего визита Радовиц беседовал с ним «о главных основах общества», под которыми подразумеваются следующие темы, обозначенные Жуковским по-русски и по-немецки, как и в конспекте сочинения Ярке: «1) человек до падения, *frei und unfrei*. 2) Падение, *Freiheit*, знание добра и зла. Правооснования общества. Развитие права. Римская империя. Человек не человек, а гражданин; самопожертвование без любви. *Recht = Staat*. 3) Человек после искупления. Церковь институция любви. Право: каждому принадлежащее. Любовь: пожертвование своего каждому. Закон: выраженное право» [14. Т. 13. С. 339]. Это перечисление, по сути, повторяет и основные понятия семиосферы, выстраиваемой Ярке, который, отталкиваясь от романтического идеала свободы, связывает её с пониманием о правах, законе, государстве, монархе и подданных, церкви и замыкает её на признании абсолюта в виде воли Бога и доверии ей. Следует обратить внимание на то, что основные термины этой концепции Жуковский называет по-немецки, очевидно, признавая их неполную переводимость: «*frei und unfrei*» [свободный и несвободный], «*Freiheit*» [свобода], «*Recht = Staat*» [право = государство].

Ф. Петерс утверждает, что некоторая эклектичность концепции Ярке следует из его податливости, чуткости к влиянию единомышленников, среди которых особенно выделяется Йозеф фон Радовиц. Сравнивая взгляды двух соратников, исследователь устанавливает большую в сравнении с Радовицем сдержанность Ярке в воззрениях на права и свободы церкви и печати в исковой ими модели государственности. Автор законспектированного Жуковским труда о правовых свободах не соглашается с тотальной независимостью церкви, отсутствием цензуры для печати и контроля в области образования. Интересно, что именно в 1830-е гг. вопрос о свободе печати и преподавания в правовом русле заинтересовал и Жуковского, недвусмысленно отмечавшего в «Мыслях и замечаниях», что «свобода тиснения, некогда враг деспотизма правителей, наконец его обуздавшая, есть ныне подпора деспотизма черни, которая беспрестанно ослабляет узду ее» [14. Т. 14. С. 302], а «в мире гражданской мысли, в мире книгопечатания, должны быть гражданские и уголовные законы» [14. Т. 14. С. 201]. Что касается свободы в образовании, то суждение наставника русского престолонаследника и царя-освободителя не менее категоричны, на собственный вопрос «Может ли существовать полная свобода преподавания в университетах или нет?» [14. Т. 14. С. 298] – он отвечает: «Конечно, нет. Преподаватель, принимая обязанность профессора, входит в условия с правительством действовать согласно с ним, а не противодействовать установленному порядку, в состав которого входит и публичное образование» [14. Т. 14. С. 298].

Активная работа Жуковского над систематизацией взглядов на историю и теорию государства и права в 1820–1830-х гг. связана с историко-политической ситуацией в России и Европе, но и со спецификой культурно-исторической эпохи романтизма, оставившей свой след на всех областях человеческой мысли. Различные в деталях, но сходные по своей сути учения берлинского кружка политических романтиков оказались типологи-

чески близкими и понятными Колумбу русского романтизма, пройдя сквозь призму его лингвокультурного и художественного восприятия. Жуковский прочёл и последующие номера опубликовавшего «Правовую свободу» периодического издания, пропагандировавшего идеологию прусских консерваторов. Подшивка «Берлинского политического еженедельника», издававшегося под редакцией Ярке, содержит почти все номера за 1832 и 1833 гг., в которых в различных вариациях можно найти статьи под красноречивыми названиями «Was ist Recht?» [Что есть право?], «Revolution und Absolutismus» [Революция и абсолютизм], «Pressefreiheit» [Свобода прессы], «Die Freiheit des juste milieu» [Свобода золотой середины], следовательно, невозможно не признать определенного влияния представленных в нём идей на правовой дискурс читателя.

Прочтя фрагменты из русско-немецкого конспекта, составленного из экстрактов из сочинения Ярке «Правовая свобода», можно сделать вывод, что Жуковский с настороженностью отнёсся к идее возвеличивания свобод и послабления ограничений, хотя в его собственной мировоззренческой концепции эта идея не переставала существовать, но выражалась контекстуальными синонимами «покорность», «служение», «смирение». Это может показаться парадоксальным, если не понимать того, что центральное место в общем для политических романтиков взгляде на права и свободы, теорию и историю государства и права занимает идея Абсолюта, идеальное и всеведующее религиозно-мистическое Божественное начало.

В творческой эволюции Жуковского, в том числе и его высказываниях о свободе, это положение обнажается с переездом в Германию, и укрепление дружеских связей с Радовицем, и окружение прусского монарха, очевидно, способствовали этому процессу. Так, в дневниковой прозе 1840-х читаем: «Вера есть высшее чувство души: она есть свобода способности души принимать Откровение» [14. Т. 14. С. 296]. «Свобода гражданская состоит в полной возможности делать все то, что не запрещено законом, то есть в подчинении воли своей воле закона; высшая свобода или свобода христианская состоит в уничтожении своей воли пред высшею волею Спасителя, который есть воля Божия» [14. Т. 14. С. 299]. «Что есть свобода гражданская? Совершенная подчиненность одному закону или совершенная возможность делать все, что не запрещает закон. – Что есть свобода в высшем смысле? Совершенная подчиненность воли Божией всегда, во всем, везде и ничему иному. – В сей подчиненности заключается свобода от зла, от судьбы, от людей» [14. Т. 14. С. 326]. В поздней прозе В.А. Жуковский не оставляет размышлений о правах и свободах в различных сферах человеческой жизни, и направление мысли поэта остаётся неизменным, поскольку фрагменты из записных книжек 1840-х гг. «Свобода» [14. Т. 11. С. 455], «Свобода преподавания» [14. Т. 11. С. 468] и др. фактически дословно повторяют краткие дневниковые записи.

Таким образом, концепт свободы в юридическом дискурсе Жуковского реализуется исключительно в эгодокументах автора (дневниковой и эпистолярной прозе, записях и конспектах). Спектр значений слова «свобода»

при этом включает как значения, близкие к словарным, так и нетривиальные дефиниции. Однако в обоих случаях речь идёт об образности романтического толка, т.е. о свободе разного типа (отсутствие политического, экономического гнёта; возможность проявления своей воли; личная независимость или др.) как универсалии, неотъемлемой от целого, которым в рамках юридического дискурса Жуковского является концепция государственности и гражданственности, основанная на религиозно-мистических началах. Новые источники, одним из которых является атрибутированный конспект сочинения Ярке «*Rechtliche Freiheit*» [Правовая свобода], позволяют по-новому представить масштаб и характер его взаимосвязей с немецким миром.

Литература

1. Сафронова Е.Ю. Дискурс права в творчестве Ф.М. Достоевского 1846–1862 гг. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. 182 с.
2. Библиотека В.А. Жуковского в Томске : [в 3 ч. Ч. 3 / Ф.З. Канунова, А.С. Янушкевич, Н.Б. Реморова и др. ; ред. Ф.З. Канунова (отв. ред.), Н.Б. Реморова]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. 578 с.
3. РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 38. [О свободе]: отдельные черновые записи. [1832–1833]. I+II+14 л.
4. Jarcke C.E. Handbuch des gemeinen deutschen Strafrechts : mit Rücksicht auf die Bestimmungen der preussischen, österreichischen, bairischen und französischen Strafgesetzgebung. Nachdr. der Ausg. Berlin : Dümmler, 1827–1830. 340 S.
5. Jarcke K.E. Die Französische Revolution von 1830. Historisch und staatsrechtlich beleuchtet in Ihren Ursachen, Ihrem Verlaufe und Ihren wahrscheinlichen Folgen. Berlin : Dümmler, 1831. 330 S.
6. Библиотека В.А. Жуковского : (описание) / сост. В.В. Лобанов ; [ред. Ф.З. Канунова]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 418 с.
7. Jarcke C.E. Die rechtliche Freiheit // Berliner politisches Wochenblatt. 1831. № 10 vom 10.12.1831. S. 42–43; 1831. № 11 vom 17.12.1831. S. 47–48.
8. Jarcke C.E. Vermischten Schriften. München : Verlag der literarisch-artistischen Anstalt, 1839. S. 114–132.
9. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и немецкий мир. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2015. С. 237–266.
10. Peters F. Carl Ernst Jarcke's Staatsanschauung und ihre geistigen Quellen. Bonn : A. Marcus & Weber's Verlag, 1926. 87 s.
11. Haller K.L. Restauration der Staatswissenschaft. I–VI. Winterthur, 1820–1825.
12. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу / Изд. «Рус. архива» по подлинникам, хранящимся в Имп. Публ. б-ке. М., 1895. 322 с.
13. Янушкевич А.С. Круг чтения В.А. Жуковского 1820–30-х годов как отражение его общественной позиции // Библиотека В.А. Жуковского в Томске : в 3 ч. Томск, 1978–1988. Ч. 2. С. 509–517.
14. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / ред. коллегия: И.А. Айзикова, Н.Ж. Вётшева, Э.М. Жиликова, Ф.З. Канунова, О.Б. Лебедева, И.А. Поплавская, Н.Б. Реморова, А.С. Янушкевич (гл. ред.). Т. 1: Стихотворения 1797–1814 гг. / ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. М. : Языки русской культуры, 1999. 760 с.; Т. 2: Стихотворения 1815–1852 гг. / ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. М. : «Языки русской культуры», 2000. 840 с.; Т. 11 (первый полутом) : Проза 1810–1840-х годов / ред. А.С. Янушкевич. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. 1048 с.; Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–

1833 гг. / сост. и ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. М. : Языки славянской культуры, 2004. 608 с.; Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 / сост. и ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. М. : Языки славянской культуры, 2004. 768 с., ил.

Images of Freedom in the Legal Discourse of Vasily Zhukovsky: Based on Ego-Documents and the Unpublished Abstract of Karl Ernst Jarcke's "Die Rechtliche Freiheit" (1831)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 276–289. DOI: 10.17223/19986645/72/15

Natalia Ye. Nikonova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Keywords: Russian literature, Zhukovsky, Karl Ernst Jarcke, legal discourse, freedom.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00083.

The article presents an analysis of the image of freedom in Vasily Zhukovsky's heritage on the material first introduced into academic discourse. The analysis is made in an interdisciplinary context and employs historical-philological, qualitative-linguistic and discursive-legal approaches. The material is Zhukovsky's previously unpublished notebook containing 14 sheets with the author's notes in Russian and German on both sides. The notebook is stored in the National Library of Russia, and the archive staff titled storage unit no. 38 as "[On Freedom]. Separate Draft Notes" and roughly dated it by the years 1832–1833. The notebook actually contains Zhukovsky's notes on the essay "Die Rechtliche Freiheit" written by Karl Ernst Jarcke (1801–1852), a famous German publisher, theorist and historian. Jarcke wrote works on German criminal law, the French Revolution of 1830; as the editor of *Berliner Politisches Wochenblatt*, he had many publications there. Jarcke's essay sets out his main views on the most important concepts of jurisprudence, on the state and the church, rights and freedoms, which together form a stable system characteristic of the ideas of statehood in the conservative circles of the Prussian intellectual elite of the 1830s–1840s. The content of the notes on the essay is reflected in Zhukovsky's legal discourse in his diaries, in most theses on the theory of state and law, freedoms and rights, state regime and social structure. Only Zhukovsky's prose contains such reasoning. The concept of freedom in Zhukovsky's diary prose changes over time. In the early period, the poet speaks mainly of his own, personal, inner freedom. Upon occupying a position at the court, Zhukovsky begins to reason upon the history of law and often speaks about freedom in the legal sense. After reading the notes on Jarcke's essay, we can conclude that Zhukovsky was wary of the idea of exalting freedoms and easing restrictions. Thus, the concept of freedom in Zhukovsky's legal discourse is realized exclusively in the author's ego-documents (diary and epistolary prose, minutes and notes). The range of meanings of the word 'freedom' includes both close-to-dictionary and non-trivial definitions. In both cases, it is the imagery of the romantic sense, that is, freedom of different types (the absence of political, economic oppression; the possibility of manifesting one's will; personal independence, etc.) as a universal integral to the whole. Within the framework of Zhukovsky's legal discourse, the whole is the conception of statehood and citizenship based on religious and mystical principles. New sources, one of which is the attributed notes on Jarcke's "Die Rechtliche Freiheit", allow imagining anew the scale and nature of Zhukovsky's relationship with the German world.

References

1. Safronova, E.Yu. (2013) *Diskurs prava v tvorchestve F.M. Dostoevskogo 1846–1862 gg.* [Discourse of law in F.M. Dostoevsky's works of 1846–1862]. Barnaul: Altai State University.

2. Kanunova, F.Z. et al. (eds) (1988) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske* [V.A. Zhukovsky's Library in Tomsk]. In 3 parts. Part 3. Tomsk: Tomsk State University.
3. National Library of Russia. Fund 286. List 1. File 38. [O svobode]: ot del'nye chernovye zapisi. [1832–1833] [[On Freedom]: Separate Draft Notes. [1832–1833]].
4. Jarcke, C.E. (1927–1830) *Handbuch des gemeinen deutschen Strafrechts: mit Rücksicht auf die Bestimmungen der preussischen, österreichischen, bairischen und französischen Strafgesetzgebung. Nachdr. der Ausg.* Berlin: Dümmler.
5. Jarcke, K.E. (1831) *Die Französische Revolution von 1830. Historisch und staatsrechtlich beleuchtet in Ihren Ursachen, Ihrem Verlaufe und Ihren wahrscheinlichen Folgen.* Berlin: Dümmler.
6. Kanunova, F.Z. (ed.) (1981) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo: (opisanie)* [V.A. Zhukovsky's Library (description)]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Jarcke, C.E. (1831) Die rechtliche Freiheit. *Berliner politisches Wochenblatt.* 10 vom 10.12.1831. S. 42–43; 11 vom 17.12.1831. S. 47–48.
8. Jarcke, C.E. (1839) *Vermischten Schriften.* München: Verlag der literarisch-artistischen Anstalt. S. 114–132.
9. Nikonova, N.E. (2015) *V.A. Zhukovskiy i nemetskiy mir* [V.A. Zhukovsky and the German world]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo. pp. 237–266.
10. Peters, F. (1926) *Carl Ernst Jarcke's Staatsanschauung und ihre geistigen Quellen.* Bonn: A. Marcus & Weber's Verlag.
11. Haller, K.L. (1820–1825) *Restauration der Staatswissenschaft.* I–VI. Winterthur.
12. Zhukovskiy, V.A. (1895) *Pis'ma V.A. Zhukovskogo k Aleksandru Ivanovichu Turgenevu* [Letters from V.A. Zhukovsky to Alexander Ivanovich Turgenev]. Moscow: Published by "Russkiy Arkhiv" from the originals stored in the Imperial Public Library.
13. Yanushkevich, A.S. (1984) Krug chteniya V.A. Zhukovskogo 1820–30-kh godov kak otrazhenie ego obshchestvennoy pozitsii [V.A. Zhukovsky's reading circle in the 1820s–1830s as a reflection of his social position]. In: Kanunova, F.Z. et al. (eds) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske* [V.A. Zhukovsky's Library in Tomsk]. In 3 parts. Part 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 509–517.
14. Zhukovskiy, V.A. (1999–2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 volumes]. Vols 1, 2, 11 (1), 13, 14. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.